

Литвин С.К.

Среди евреев

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С11

С11 **С.К. Л.**
Среди евреев / Литвин С.К. – М.: Книга по Требованию, 2022. – 389 с.

ISBN 978-5-519-93589-0

ISBN 978-5-519-93589-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Проснулась я довольно поздно. Веселые лучи майскаго солнца, пробиваясь чрезъ занавѣси единственнаго окна моей убогой комнатки, ударяли мнѣ въ лицо. Я люблю свѣтъ, люблю солнце, но на этотъ разъ мнѣ было не до того. Я не только не обрадовалась солнечнымъ лучамъ и свѣту, но напротивъ они меня раздражали. Ужъ очень было скверно на душѣ. Цѣлый мѣсяцъ я тратилась на объявленія въ газетахъ и безъ всякаго результата. Вчера я снесла въ контору газеты послѣдніе три рубля, квитанція отъ публикаціи лежала на столѣ, и она бросилась въ глаза, лишь только я открыла ихъ.

Неужели и на этотъ разъ мои трудомъ добытыя, послѣднія деньги пропадутъ безъ всякой пользы? И зачѣмъ я снесла послѣдніе три рубля въ контору? На эти деньги при моихъ настоящихъ обстоятельствахъ я бы прожила четыре, пять дней. Вотъ послѣдняя щепотка чая осталась, да и сахаръ на исходѣ.

Нехотя поднялась я съ постели, начала медленно одѣваться, продолжая все думать о своемъ почти безвыходномъ положеніи, въ которомъ очутилась въ послѣдній мѣсяцъ. Въ какіе нибудь два-три дня я лишилась всѣхъ своихъ уроковъ. И во всемъ была виновата холера: всѣ семейства, въ которыхъ я учила дѣтей, какъ будто сговорившись, поспѣшили покинуть Петербургъ, и осталась я безъ всякаго заработка. Сбереженія мои были весьма невелики, и вотъ послѣдніе три рубля израсходо-

ваны, въ поискахъ за кондиціей, на объявленія. Что же со мною будетъ, если и на этотъ разъ, какъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, публикація не выручитъ? Одно только тогда мнѣ и остается: просить у Бога, чтобы Онъ наслалъ на меня эту самую холеру и убралъ бы изъ этого міра, броситься же въ Неву и самой покончить съ собой страшно, да и грѣхъ большой!..

Вотъ какія невеселыя мысли занимали меня въ это достопамятное майское утро.

Часы въ корридорѣ пробили 12, и я подумала о томъ, что надобно подождать съ чаемъ часовъ до двухъ, такъ какъ, если сейчасъ же напьюсь чаю и съѣмъ филиповскій калачъ, который былъ мною вчера, съ вечера, купленъ, то захочется сегодня еще разъ поѣсть...

— Барышня, а барышня! — перебила мои размышленія горничная Катя, громко постучавъ въ двери.

— Чего тебѣ? — спросила я сердито.

— А тутъ господинъ какой то спрашиваетъ васъ.

— Какой тамъ господинъ?

— Не могу знать... Незнакомый онъ, и такъ полагаю, на жида смахиваетъ...

— На жида?..

Такихъ знакомыхъ, чтобы смахивали на жидовъ, у меня не было. Кто бы это могъ быть? Неужели на счетъ кондицій? Я ужасно обрадовалась, не смотря на то, что пришедшій, по словамъ Кати, смахивалъ ва жида, а я жидовъ всегда избѣгала.

— Проси, проси скорѣй, — поторопила я Катю.

Черезъ минуту предо мною стоялъ типичный еврей съ характернымъ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ черными курчавыми волосами, съ черными же глазами, безпокойно разбѣгавшимися во всѣ стороны, и съ толстыми, чувственными губами. Лѣтъ ему было не болѣе 35—40, и одѣтъ онъ былъ съ претензіей на франтовство.

— Вы публиковали, что ищете мѣсто въ отъѣздъ? — проговорилъ посѣтитель тоненькимъ голосомъ, послѣ до-

волью продолжительной паузы, когда безъ всякой церемоніи успѣлъ осмотрѣть въ подробности всю мою убогую обстановку и мою собственную фигуру съ ногъ до головы.— Я коммерціи совѣтникъ Михаилъ Борисовичъ Бердичевскій,—продолжалъ онъ съ важностью.—Намъ, то есть мнѣ и моей супругѣ, т-ше Бердичевской, хочется взять въ домъ столичную гувернантку. У насъ двѣ дѣвочки: старшая Соренца десяти лѣтъ и младшая Роза восьми лѣтъ. Сына мнѣ Богъ до сихъ поръ не далъ.

Бердичевскій глубоко вздохнулъ.

— Желаете вы ѣхать къ намъ въ Центральскъ? Вамъ у насъ будетъ хорошо. Жена моя, т-ше Бердичевская, женщина хорошаго тона, аристократическаго происхожденія, съ самыми лучшими манерами. Вы ее непременно полюбите, потому что она настоящій ангелъ, а дѣточки мои, прямо скажу вамъ, херувимчики: способности выдающіяся, послушныя и безъ капризовъ...

Все это г. Бердичевскій проговорилъ почти залпомъ, съ рѣжущимъ ухо еврейскимъ акцентомъ, не спуская съ меня бѣгающихъ во всѣ стороны глазъ.

— Я вижу по вашему лицу — продолжалъ онъ послѣ передышки,—что вы съ удовольствіемъ поѣдете въ мой богатый домъ (послѣднія два слова онъ особенно подчеркнул и съ улыбкой сожалѣнія къ моей особѣ скользнулъ взглядомъ по всей комнатѣ съ убогой обстановкой), но это будетъ возможно только въ томъ случаѣ, если вы умѣете говорить «скоро» по-нѣмецки.

— Какъ это скоро?—перебила я его.

— Скоро, это значить быстро; ну, все равно, какъ нѣмка...

— Я знаю хорошо нѣмецкій языкъ и говорю на немъ бѣгло еще съ дѣтства: у меня была нѣмка бонна...

— Это отлично... Это такъ хорошо, что лучше не надо... Мы можемъ съ вами сейчасъ же заключить условіе. Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ; проѣздъ

туда на мой счетъ, а обратно вы поѣдете на свой собственный счетъ... Согласны?

— Но въ чемъ будутъ заключаться мои обязанности?

— Какія тамъ обязанности!—весело засмѣялся г. Бердичевскій.—Будете жить у насъ на дачѣ въ свое удовольствіе и будете кататься, какъ сыръ въ маслѣ... Дѣвочекъ моихъ немножко будете обучать порусски, а главное съ моей супругой, т-ше Бердичевской, будете веселые разговоры разговаривать порусски. Ей необходимо на-практиковаться въ русскомъ разговорѣ... Знаете, теперь такое время настало, что безъ русскаго языка намъ совсѣмъ нельзя...

Онъ глубоко вздохнулъ.

— А понѣмьки съ кѣмъ придется мнѣ заниматься?

Г. Бердичевскій очевидно смутился и нѣкоторое время безпокойно почесывалъ свою клинообразную бородку.

— Я долженъ вамъ передать теперь самый главный мой секретъ,—какъ то заискивающе, стараясь не глядѣть на меня, заговорилъ онъ, наконецъ.—Скажите мнѣ откровенно: вы совсѣмъ умная дѣвица, безъ всякихъ предразсудковъ?..

По его тону и его смущенію мнѣ пришла въ голову очень обидная мысль, что стоящій предо мною жидъ намѣревается сдѣлать мнѣ оскорбительное предложеніе, и что все прежде имъ высказанное было только благовиднымъ вступленіемъ.

— Прошу васъ не забыватья, — перебила я его, возмущенная до глубины души. — Я публиковала, что ищу мѣсто гувернантки, а вамъ, повидимому, нужно нѣчто совсѣмъ другое, такъ ищите себѣ, что вамъ нужно, въ другомъ мѣстѣ!.. Никакихъ гадкихъ вашихъ предложеній выслушивать я не желаю. Вы не туда попали: передъ вами честная дѣвушка...

По мѣрѣ того, какъ я говорила, пронизывая насквозь сердитымъ взглядомъ г. Бердичевского, послѣдній совершенно растерялся. Онъ какъ то неестественно искривилъ

свои толстыя губы, сначала покраснѣлъ весь, потомъ поблѣднѣлъ, и глаза какъ то испуганно устремились на меня.

— Гадкія предложенія,—скорѣе простоналъ, чѣмъ проговорилъ г. Бердичевскій.—И отчего вы думаете, что я хочу вамъ сдѣлать гадкія предложенія?..

Въ голосѣ его послышались такія искреннія нотки, что мнѣ стало стыдно за мое подозрѣніе и за рѣзкія слова, сорвавшіяся съ моего языка.

— Простите мнѣ, если я васъ напрасно обидѣла,—поспѣшила я произнести примирительнымъ тономъ.—Но мнѣ показалось... Я вообразила.. Вашъ вопросъ мнѣ показался оскорбительнымъ.

— И зачѣмъ я буду васъ оскорблять?.. Напротивъ совсѣмъ, я желаю взять васъ къ себѣ въ домъ, чтобы вы у меня жили почти какъ родная. Но это только возможно, если у васъ нѣтъ никакихъ предразсудковъ противъ нашей націи. Объ этомъ я хотѣлъ съ вами въ подробности поговорить, а вы такъ не деликатно на меня разсердились.

Г. Бердичевскій укоризненно покачалъ головой и продолжалъ:

— Скажите мнѣ совсѣмъ откровенно, какъ вы смотрите на насъ, евреевъ?.. Вы насъ хоть немножечко любите?.. Ну, хоть одну маленькую каплю?..

— Вамъ нужна гувернантка, чтобы учила вашихъ дѣтей, и это я могу выполнить... Надѣюсь, вы останетесь мною довольны. Люблю ли же я евреевъ или нѣтъ, по моему, къ дѣлу не относится.

— Ай, относится, и какъ еще относится, — заволновался г. Бердичевскій.—Если вы насъ совсѣмъ не любите, а еще, Боже сохрани, совсѣмъ презираете, то вѣрно откажетесь поѣхать къ намъ, когда я вамъ открою мой секретъ?

— Какой же это секретъ?

Г. Бердичевскій вторично смутился и нѣкоторое время молча постукивалъ тростью о полъ, очевидно обдумывая.

въ какихъ выраженіяхъ сообщить мнѣ о своемъ секретѣ.

— Видите ли, въ чемъ дѣло, — заговорилъ онъ наконецъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ, все еще избѣгая смотрѣть на меня. — Я тутъ предъ вами весь: можете вы развѣ сказать, что я не вполне европейскій человѣкъ? И по разговору, и по манерамъ, и по костюму, и по всему прочему, я совсѣмъ европеецъ. А жена моя, м-ше Бердичевская, еще болѣе европейская женщина, чѣмъ я европейскій мужчина. И тутъ удивляться даже нечему: она жила въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ и даже въ Парижѣ... Я же вамъ сказалъ: она самага аристократическаго происхожденія, — шутка ли: дочь миллионера Бобруйскаго! Я очень люблю мою м-ше Бердичевскую, да и какъ не любить ее, когда она прямо рѣдкостный перлъ! Она хочетъ, чтобы у насъ въ домѣ все было на европейскій ладъ, и я съ нею совсѣмъ согласенъ. Только вотъ наша бѣда, — это мой папенька...

Тутъ г. Бердичевскій такъ глубоко вздохнулъ и такъ умоляюще посмотрѣлъ на меня, что мнѣ почему то стало его жалъ.

— Да, — продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, вторично вздохнувъ, — вы себѣ представить не можете, какъ много мы страдаемъ отъ нашего папеньки. Совсѣмъ онъ старыхъ понятій человѣкъ и ни о чемъ новомъ знать не хочетъ. Вы какъ думаете: позволить онъ, чтобы мы взяли къ намъ въ домъ иновѣрку для обученія дѣвочки? Ни за что!.. Вотъ мы съ моей супругой и надумали: надо отыскать такую русскую гувернантку, которая бы говорила по-нѣмецки, какъ настоящая нѣмка, а папѣнкѣ сказать, что она еврейка изъ Курляндіи.

— Такъ вы хотите выдавать меня предъ вашимъ отцомъ за еврейку?

— Именно такъ, — обрадовался г. Бердичевскій моей догадливости и, набравшись храбрости, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо и прибавилъ: — никакого вамъ отъ этого убытка не будетъ. Напротивъ, я могу вамъ еще рублей

десять прибавить въ мѣсяцъ, если согласитесь немножечко надуть моего папеньку...

Признаюсь, меня крайне смутило предложеніе г. Бердичевского. Отказаться отъ своей національности и въ теченіе цѣлаго лѣта разыгрывать предъ старымъ жидомъ жидовку показалось мнѣ обиднымъ и даже оскорбительнымъ. Я собиралась уже въ этомъ смыслѣ дать отвѣтъ г. Бердичевскому, но тутъ глаза мои случайно остановились на филиповскомъ калачѣ, который былъ купленъ на послѣдній пятачекъ, и вся моя храбрость исчезла. Я начала колебаться въ своемъ рѣшеніи.

— Скажите, г. Бердичевскій, а что если я соглашусь на ваше предложеніе и потомъ не сѹмѣю сыграть свою роль передъ вашимъ отцомъ? Предваряю васъ, притворяться я не особенная мастерица. Вдругъ вашъ отецъ узнаетъ, что я русская. Что тогда будетъ?

— Объ этомъ вы, пожалуйста, ни чуточки не беспокойтесь. Мой папенька никогда ничего не узнаетъ. Онъ васъ только одинъ разъ въ день увидитъ, къ обѣду. Вы будете всегда сидѣть рядомъ съ м-ше Бердичевской, и она вамъ всегда подскажетъ, какъ отвѣчать ему на разныя его слова...

— Ну, а если... Мало ли какія бываютъ случайности?

— Пусть это васъ не беспокоитъ... Если такое несчастье случится, я одинъ буду въ убыткѣ: вамъ будетъ заплачено за все лѣто...

Г. Бердичевскій схватилъ мою руку, крѣпко пожалъ ее и продолжалъ заискивающимъ голосомъ:

— Если вы хоть немножко насъ любите, — соглашайтесь. Клянусь, вамъ будетъ у насъ очень хорошо жить. Мы вамъ будемъ оказывать почтеніе, какъ принцессѣ...

Филипповскій калачъ опять попался мнѣ на глаза, и я, хотя съ грустью, дала г. Бердичевскому свое согласіе.

Онъ очень обрадовался, наговорилъ мнѣ много комплиментовъ, выдалъ впередъ пятьдесятъ рублей, попросилъ на слѣдующій день не опоздать на Варшавскій вокзалъ.

къ курьерскому поѣзду и совершенно счастливый и сіяющій оставилъ мою комнату, чмокнувъ на прощанье своими толстыми губами мою руку.

II.

Не буду распространяться о путешествіи съ Бердичевскимъ изъ Петербурга въ Центральскъ. Скажу только, что всю дорогу онъ ухаживалъ за мной не только съ изысканною вѣжливостью, но прямо таки съ какою-то собачьей преданностью, точно я сопутствовала ему не въ качествѣ наемной гувернантки, а сдѣлала ему величайшую честь, согласившись дѣлать съ нимъ его путешествіе. Сначала обращеніе его меня нѣсколько шокировало: мнѣ казалось, что Бердичевскій въ душѣ насмѣхается надо мной и выпучиваетъ меня. Но скоро я убѣдилась, что напрасно его подозреваю, и что, не смотря на его кажущуюся самоувѣренность и апломбъ, на самомъ дѣлѣ, онъ въ душѣ большой трусъ, и его мелкой натурѣ свойственна какая-то приниженность, противъ его воли просвѣчивающая на каждомъ шагѣ въ обращеніи съ христіанами. Онъ все старался занимать меня и не зная, какъ это сдѣлать, чувствовалъ свое неумѣніе быть настоящимъ кавалеромъ и очень этимъ огорчался.

Въ Псковѣ онъ предложилъ мнѣ поужинать. Было около двухъ часовъ ночи. За большими хлопотами, по случаю отъѣзда, я мало въ этотъ день ѣла и потому была голодна и имѣла неосторожность сказать объ этомъ моему спутнику.

— Ахъ, какая же вы скрытная, — съ видимымъ сожалѣніемъ произнесъ Бердичевскій: — Ну, на что это похоже? Вы меня обидѣли, обидѣли до самой моей собственной крови. Вы должны были сказать мнѣ объ этомъ еще въ Петербургѣ, и я бы васъ накормилъ, чтобы вы были сыты. А то это для меня большой срамъ, когда моя дама ѣдетъ со мною вмѣстѣ голодная...

Лишь только поѣздъ остановился, Бердичевскій поспѣшилъ галантно предложить мнѣ руку и повелъ въ станціонную залу. Выбравъ мѣсто и усадивъ меня, онъ буквально бросился къ буфету, и черезъ какую нибудь минуту, два лакея, съ разными блюдами, очутились предо мною и начали мнѣ подавать.

— Зачѣмъ такъ много!—сконфуженно обратилась я къ Бердичевскому.

— Ахъ,—покраснѣлъ онъ:—и зачѣмъ вы это говорите? Мнѣ для васъ ничего не жалко, кушайте себѣ на здоровье.

— А вы развѣ не хотите кушать?—спросила я, видя, что онъ берется за поданный ему пустой чай.

— Нѣтъ, не хочется.

— Скушайте хоть что нибудь для компаніи. Ну, хоть этого рябчика. Посмотрите, какой онъ жирный, аппетитный... И я положила ему рябчика на тарелку.

Бердичевскій покраснѣлъ еще больше прежняго и со сѣмъ сконфузился. Онъ какъ-то виновато посмотрѣлъ на меня, очевидно, хотѣлъ что-то сказать, но ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ правой рукой какой-то неопредѣленный жестъ и принялся разрѣзывать рябчика съ такой энергіей, словно передъ нимъ была не бѣдная, зажаренная маленькая птичка, а цѣлый быкъ.

— Ввели же вы меня въ грѣхъ,—съ глубокимъ вздохомъ произнесъ Бердичевскій, когда мы опять очутились въ вагонѣ: — Ой, ой, въ какой большой грѣхъ вы меня ввели!..

Я сдѣлала большіе глаза и съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Вы это серьезно?—спросила я.

— Ой, серьезно!... И какъ еще серьезно!... Недостаетъ только, чтобы объ этомъ узналъ мой старый папенька... Да и моя т-те Бердичевская подобнаго моего поступка не одобритъ... Грѣхъ смертельный... По нашимъ законамъ за такой грѣхъ смертная казнь полагается...

— Въ чемъ же дѣло?—серьезно встревожившись, перебила я его.

— А дѣло въ томъ, что я о т р е ф и л с я (осквернился): поганую пищу ѣлъ...

Видъ у него былъ до того отчаянный и жалкій, что, не смотря на все мое желаніе расхохотаться, я, услышавъ о такомъ горѣ, котораго никоимъ образомъ понять не могла, всетаки удержалась и серіознымъ голосомъ спросила его:

— Если ваши законы очель строги на этотъ счетъ, то зачѣмъ же вы ѣли рябчика?

— Зачѣмъ я его ѣлъ, поганаго?—взволнованно отвѣтилъ онъ:—Мнѣ, видите-ли, было передъ вами стыдно... Я не хотѣлъ, чтобъ вы, для перваго знакомства, подумали обо мнѣ не съ хорошей стороны... Чтобы вы не сказали обо мнѣ, что я совсѣмъ жидъ...

Бердичевскій замолчалъ и понурился. При всемъ моемъ желаніи я не находила для него никакихъ словъ утѣшенія.

— Все это, конечно, пустяки,—заговорилъ онъ снова, видимо ободрившись:—Я это даже очень хорошо понимаю... Ну, что такое рябчикъ?.. Почему онъ птица т р е ф н а я, а курица не т р е ф н а я?.. Потому развѣ, что онъ всегда летаетъ, а курица на ножкахъ ходитъ?... Такъ вѣдь голубь тоже всегда летаетъ, а наши законы не запрещаютъ употреблять его въ пищу... Гдѣ же тутъ разумъ?... Я вѣдь человѣкъ европейскій и все это хорошо понимаю... А вотъ, мой папенька этого никогда не пойметъ, т. е. онъ не желаетъ этого понять.. Такъ ужъ вы, фрейленъ (Бердичевскій иначе меня не называлъ, какъ фрейленъ), меня не выдавайте: ни одного слова не говорите m-me Бердичевской, что я попробовалъ рябчика.. Пускай это будетъ у меня съ вами нашъ большой секретъ... Вы можете мнѣ это обѣщать?

Онъ пытливо заглянулъ мнѣ въ лицо.

— Если васъ это такъ беспокоитъ, то можете вполне на меня положиться: я васъ не выдамъ.